Трансформация принципов мирного урегулирования в условиях затяжного вооруженного конфликта: опыт Сирии

Аллслум Майс
аспирант, Казанский федеральный университет, alsalloummays@gmail.com

Статья посвящена анализу трансформации международного права применительно к вооруженному конфликту в Сирии. В статье показана динамика трансформаций международного правопреждения сирийского конфликта, выражающаяся в смене парадигмы либерального миростроительства (Женевский процесс) на парадигму нелиберального миростроительства (Астанинский процесс). Данный шаг характеризует сдвиг парадигм в решении проблемы сирийского конфликта. Авторами работы рассматриваются теоретические основы международного вооруженного конфликта. Рассматривается понятие международного вооруженного конфликта; критерии определения; стадии и субъекты; роль визуализации для юридической характеристики конфликта. Отдельно рассматривается практика работы международных организаций, стран – посредников (Россия, Турция, Иран) при создании нового нормативно-правового режима конфликта. Критикуя отсутствие либеральной составляющей в Астанинском процессе, автор отмечает его практическую значимость для снижения уровня насилия и выработки инструментов деэскалации. Поводом для пересмотра устоявшихся норм международного права в области решения длительных военных конфликтов служит необходимость поиска новых путей их разрешения.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Сирийская Арабская Республика, вооруженный конфликт, Женевский процесс, Астанинский процесс, нелиберальный мир, международно-правовое регулирование, контртеррористическая операция, правовая квалификация конфликта

Введение

Вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике, продолжающийся с 2011 года, представляет собой один из наиболее сложных вызовов современному международному праву и системе международных отношений. Уникальность данного конфликта обусловлена совокупностью факторов: его затяжной характер, многомерность участников (включая как государственных, так и негосударственных акторов), масштабные нарушения международного гуманитарного права, а также беспрецедентная политизация процесса урегулирования на универсальном и региональном уровнях.

Актуальность исследования международно-правовых подходов к урегулированию сирийского конфликта определяется рядом обстоятельств. Во-первых, сирийский конфликт поставил под сомнение эффективность традиционных механизмов поддержания международного мира и безопасности, продемонстрировав ограниченность возможностей Совета Безопасности ООН (далее – СБ ОНН) в условиях блокирования решений постоянными членами. Во-вторых, конфликт выявил существенные пробелы в международно-правовом регулировании вооруженных конфликтов немеждународного характера с элементами интернационализации. В-третьих, практика урегулирования сирийского кризиса привела к формированию альтернативных форматов мирного процесса, которые существенно отличаются от либеральной модели, реализуемой под эгидой ООН.

Цель настоящей работы состоит в комплексном анализе международно-правовых подходов к урегулированию вооруженного конфликта в Сирии, включая теоретико-правовые основания их формирования, практическую реализацию и перспективы развития.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания правовой действительности, позволивший рассмотреть международно-правовые подходы к урегулированию сирийского конфликта в их развитии и взаимосвязи. В рамках работы применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специальные юридические методы: формально-логический, историко-правовой и сравнительно-правовой.

Формально-логический метод использовался при анализе содержания международно-правовых актов, резолюций СБ ООН, решений международных судебных органов, а также договоренностей, достигнутых в рамках Женевского и Астанинского процессов. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию квалификации сирийского конфликта и подходов к его урегулированию. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении различных моделей мирного урегулирования – либеральной (Женевский процесс) и нелиберальной (Астанинский процесс).

Теоретическую основу исследования составили труды российских и зарубежных ученых в области международного права, международного гуманитарного права, теории международных отношений. Особое значение для настоящей работы имеют исследования, посвященные анализу трансформации международно-правового регулирования вооруженных конфликтов в условиях политизации процессов урегулирования.

Эмпирическую базу исследования составили: международные договоры (в частности, Женевские конвенции

1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года), резолюции СБ ООН по сирийскому вопросу, решения и доклады международных организаций (ООН, СНГ, Лига арабских государств), материалы Женевских конференций по Сирии (2012–2018 гг.) и Астанинского процесса (с 2017 г.), доклады Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, а также работы экспертов в области международного права и конфликтного регулирования.

Результаты исследования

Категория «международный вооруженный конфликт» является одной из ключевых в системе международного гуманитарного права. В соответствии со статьей 2, общей для всех Женевских конвенций 1949 года, международный вооруженный конфликт возникает в случае объявления войны или любого другого вооруженного конфликта между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже если состояние войны не признается одной из них [1, с. 326]. Данное определение закрепляет объективный критерий: наличие вооруженного противоборства между государствами-участниками, а не формальное объявление войны.

Дополнительный протокол I 1977 года расширил сферу применения понятия, распространив его на вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства, иностранной оккупации и расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение (статья 1, пункт 4) [7]. Таким образом, международно-правовое понятие вооруженного конфликта не ограничивается исключительно межгосударственными столкновениями, а охватывает определенные категории вооруженной борьбы, в которой негосударственные акторы выступают против государственной власти.

В доктрине международного права выделяются следующие признаки международного вооруженного конфликта: наличие двух и более противоборствующих сторон, являющихся субъектами международного права; применение вооруженного насилия; наличие боевых действий между вооруженными силами сторон; распространение действия норм международного гуманитарного права на отношения сторон.

Вопрос о квалификации конфликта приобретает принципиальное значение, поскольку от него зависит объем применяемых норм международного гуманитарного права, а также механизмы ответственности за их нарушение. В теории и практике сложились три основных подхода к квалификации вооруженных конфликтов:

1. Квалификация по статусу участников. В соответствии с данным подходом, определяющее значение имеет правовой статус сторон конфликта: если обеими сторонами выступают государства, конфликт является международным; если одной из сторон является негосударственный актор (повстанцы, оппозиционные вооруженные группы), конфликт квалифицируется как немеждународный.

2. Квалификация по территориальному критерию. Международный вооруженный конфликт предполагает выход боевых действий за пределы территории одного государства, что свидетельствует о вовлечении суверенитета нескольких государств.

3. Квалификация по критерию интернационализации. Признается возможность трансформации внутригосударственного конфликта в международный при условии прямого военного вмешательства иностранных государств, предоставления значительной военной помощи или признания восставшей стороны в качестве воюющей.

Следует отметить, что сирийский конфликт с самого начала вызывал сложности в квалификации. На начальном этапе (2011–2012 гг.) он бесспорно квалифицировался как конфликт немеждународного характера: боевые действия велись между правительственными силами и вооруженными оппозиционными группами в пределах территории одного государства. В соответствии с общей статьей 3 Женевских конвенций и Дополнительным протоколом II 1977 года к такому конфликту применялся ограниченный набор гуманитарных норм [7, 11].

Однако с течением времени ситуация существенно трансформировалась. Прямое военное вмешательство иностранных государств (Россия с 2015 года, Турция с 2016 года, США и их союзники с 2014 года, Иран), а также участие многонациональных коалиций придали конфликту черты интернационализированного вооруженного конфликта [4, с. 138]. Ситуация усугубляется тем, что в рамках единого территориального пространства Сирии одновременно существуют различные по своей правовой природе конфликты: между Сирией и Турцией (в связи с военной операцией турецких войск на севере страны), между Сирией и США (в связи с ударами коалиции), между Сирией и Израилем (в связи с авиаударами по иранским объектам). В то же время конфликт между правительственными силами и оппозиционными группировками сохраняет немеждународный характер.

Этапы и участники международного вооруженного конфликта

Эволюция сирийского конфликта позволяет выделить несколько этапов, отличающихся по своей правовой природе и участникам.

Первый этап (март 2011 – начало 2012 гг.): конфликт носит немеждународный характер. Основными участниками выступают правительственные силы (Сирийская Арабская Армия) и различные оппозиционные вооруженные группы, включая Свободную Сирийскую Армию.

Второй этап (конец 2012 – 2013 гг.): в конфликт вовлекаются иностранные участники опосредованно – через поставки вооружения, финансирование и предоставление боевиков. Этот этап характеризуется началом формирования элементов интернационализации.

Третий этап (2014–2015 гг.): объявление о создании «Исламского государства» на территории Сирии и Ирака приводит к международной интервенции в виде воздушных ударов коалиции во главе с США. Этот этап знаменует появление параллельного конфликта между международной коалицией и негосударственным актором – группировкой ИГИЛ (запрещенной в РФ).

Четвертый этап (сентябрь 2015 г. – настоящее время): прямое военное вмешательство России на стороне сирийского правительства. Конфликт приобретает выраженный международный характер с участием разнообразных субъектов: правительственных сил Сирии, вооруженных сил России, вооруженных сил Турции, международной коалиции во главе с США, подразделений иранского Корпуса стражей исламской революции, ливанской «Хезболлы», многочисленных оппозиционных групп, курдских формирований, а также группировок, признанных террористическими.

Следует подчеркнуть, что множественность участников с различным правовым статусом создает сложности в применении единого правового режима. Участники, выступающие на стороне сирийского правительства (Россия, Иран), действуют в рамках приглашения законного правительства, что с правовой точки зрения может рассматриваться как оказание помощи по просьбе суверенного государства. Турция и коалиция во главе с США действуют без приглашения сирийских властей, ссылаясь на право самообороны и борьбу с терроризмом [4, 8].

Роль визуальной репрезентации в правовом осмыслении конфликта

В современных вооруженных конфликтах особое значение приобретает визуальная составляющая правового осмысления происходящего. Под визуальной репрезентацией конфликта понимаются способы представления и интерпретации событий через визуальные образы – фотографии, видеозаписи, спутниковые снимки, инфографику и другие визуальные формы передачи информации о ходе военных действий, жертвах, разрушениях и действиях участников конфликта.

Визуальная репрезентация конфликта выполняет несколько важных юридических функций. Во-первых, она выступает в качестве доказательственной базы для установления фактов нарушения международного гуманитарного права. Исследования показывают, что визуальные свидетельства, особенно полученные через спутниковые системы наблюдения и беспилотные летательные аппараты, становятся все более значимыми для работы международных следственных органов [8, с. 42].

Во-вторых, визуальная репрезентация формирует восприятие конфликта международным сообществом, влияя на принятие политических и правовых решений. Избирательность в освещении определенных событий, представление одних участников в качестве жертв, а других – в качестве агрессоров оказывает существенное воздействие на формирование международно-правовой позиции государств.

В-третьих, визуальные образы активно используются сторонами конфликта в качестве инструмента пропаганды, направленной на легитимацию собственных действий и делегитимацию действий противника. Это создает серьезные препятствия для объективной правовой квалификации событий [6, с. 461].

Применительно к сирийскому конфликту визуальная репрезентация сыграла значительную роль в международно-правовой оценке происходящего. Широкое распространение в социальных сетях видеозаписей военных действий, жертв среди мирного населения, использования химического оружия, гуманитарных катастроф повлияло на принятие ряда резолюций СБ ООН и решений международных организаций. Вместе с тем следует констатировать, что существуют значительные разрывы между визуальной фиксацией событий и их правовым осмыслением, что связано с политизацией процесса оценки доказательств и ограниченными возможностями привлечения к ответственности виновных.

Международно-правовые подходы к урегулированию сирийского конфликта

Женевский процесс по сирийскому урегулированию, стартовавший в 2012 году на основе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года, представлял собой классический пример либеральной модели мирного урегулирования. В основе этой модели лежали следующие принципы: политический диалог между всеми сторонами конфликта без предварительных условий; формирование переходного правительства с полной исполнительной властью; проведение свободных и справедливых выборов; всеобъемлющий политический процесс, включающий всех представителей сирийского общества [5, с. 154].

Женевское коммюнике, одобренное резолюцией СБ ООН 2118 (2013), закрепило принципы, соответствовавшие либеральным стандартам постконфликтного урегулирования: инклюзивность, разделение власти, демократическая легитимация новой власти [2, с. 248]. Однако практическая реализация Женевского процесса столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Основными проблемами стали: несогласие сторон конфликта по вопросу о судьбе действующего президента; разногласия между внешними игроками относительно последовательности этапов перехода; отсутствие эффективных механизмов принуждения к выполнению достигнутых договоренностей.

Астанинский процесс: формирование нелиберальной модели урегулирования

С началом российского военного вмешательства в Сирии и достижением правительственными силами значительных военных успехов произошел сдвиг в подходе к мирному урегулированию. В январе 2017 года по инициативе России, Турции и Ирана был запущен Астанинский процесс, который существенно отличался от либеральной модели Женевских конференций.

Астанинский процесс представляет собой уникальный для современной практики случай, когда государства с авторитарными политическими режимами выступают в качестве основных посредников в урегулировании конфликта. «Астанинский процесс отходит от либеральных принципов миротворчества и постконфликтного перехода, продвигая нелиберальные нормы и практики, которые отвергают разделение власти и инклюзивность в пользу постконфликтного порядка, в котором общество остается раздвоенным, а продолжающееся насилие санкционируется» [1, с. 327].

Опираясь на теорию авторитарного управления конфликтами (Authoritarian Conflict Management – ACM), С. Аббуд рассматривает Астанинский процесс как феномен, демонстрирующий, «как возникает мир, когда либеральные акторы и нормы маргинализируются, а власть переходит к альтернативным, нелиберальным конфигурациям сил, которые способны формировать мир» [1, с. 328]. Автор приходит к выводу, что «Астанинский процесс воплощает новое видение управления конфликтами, которое материализуется в возникновении нелиберального мира в Сирии».

Основными особенностями Астанинского процесса являются: концентрация усилий на технических вопросах деэскалации, а не на политическом урегулировании; создание зон деэскалации как инструмента управления конфликтом без решения системных проблем; приоритет сохранения государственного суверенитета над идеалами демократического транзита; маргинализация сирийской оппозиции в пользу соглашений между государствами-гарантами; признание военных методов как допустимых средств достижения политических целей.

Таким образом, в современном сирийском урегулировании наблюдается сложное переплетение либеральной (Женевский процесс) и нелиберальной (Астанинский процесс) моделей. Формально Женевский процесс сохраняется как единственная универсальная площадка, санкционированная СБ ООН. Однако реальным центром принятия решений стал Астанинский процесс, который в значительной степени определяет параметры возможного соглашения.

Резолюции СБ ООН № 2254 (2015) и № 2258 (2015) о мирном разрешении конфликта в Сирии были согласованы с Женевским коммюнике и продемонстрировали поддержку либеральных ценностей. Однако, как считает Д. Ю. Хаванова, их влияние на решение сирийского вопроса было минимальным вследствие расхождений постоянных членов СБ ООН [3, с. 42]. В итоге возникла противоречивая ситуация – вместо санкционированного СБ формата появился альтернативный формат, по мнению источника [3].

Особенность сирийского мирного процесса заключается в том, что Астанинский процесс, который не получил официального признания от СБ ООН как таковой - тем не менее является по мнению большинства сторон кон-

фликта и международное сообщество главным инструментом для решения проблемы. Можно сказать о квазилегитимности формата – его признание обусловлено эффективностью работы вместо наличия юридически закрепленного статуса.

Используя концепцию авторитарного управления конфликтами, можно утверждать, что Астанинский процесс демонстрирует возможность поддержания определенного уровня стабильности без решения глубинных политических проблем. Установление зон деэскалации, прекращение активных боевых действий, обмен заключенными и гуманитарные договоренности составили «минимальное» урегулирование, которое принесло реальное снижение насилия, но не затронуло коренных причин конфликта [1].

Проблемы и перспективы международно-правового регулирования сирийского конфликта

Ситуация в Сирии демонстрирует фундаментальный конфликт между формальными нормами международного права и фактическими практиками урегулирования. С одной стороны, международное гуманитарное право и Устав ООН содержат ясные принципы и запреты. С другой стороны, политическая реальность предполагает селективное применение норм в зависимости от интересов ключевых игроков.

С.А. Грицаев обоснованно указывает на проблему целостности международно-правовых средств предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов. Ученый отмечает, что в практике международного сообщества нередко возникает ситуация, когда «международно-правовые средства поддержания международного мира и безопасности» используются для урегулирования последствий, а не первопричин конфликтов [2, с. 249]. Это в полной мере относится к сирийскому случаю, где внимание сосредоточено на управлении конфликтом, а не на его разрешении.

Правовой плюрализм сирийского урегулирования проявляется в сосуществовании нескольких нормативных систем: универсальное международное право (принципы суверенитета, невмешательства, гуманитарное право); региональные международно-правовые режимы (решения Лиги арабских государств, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива); двусторонние и многосторонние договоренности между ключевыми игроками (Россия, Турция, Иран); решения неформальных политических механизмов (Астанинский процесс). Такая полинормативность создает сложности для субъектов конфликта в определении применимого права и снижает предсказуемость правового регулирования.

Множественность участников конфликта с различным правовым статусом порождает проблему определения лиц, ответственных за соблюдение международного гуманитарного права. Как отмечают исследователи, «ни одно из положений международно-гуманитарного права (далее – МГП) не говорит о том, что негосударственные вооруженные группы, объявленные террористическими группировками мирового, регионального или национального масштаба, не могут считаться сторонами в вооруженном конфликте в том значении, в каком этот термин используется в МГП» [8]. Однако на практике террористические группировки часто выводятся из субъектного поля международного гуманитарного права, что создает «серые зоны» ответственности.

Другой аспект проблемы связан с ответственностью государств-гарантов за действия сторон конфликта. В рамках Астанинского процесса Россия, Турция и Иран взяли на себя обязательства содействовать соблюдению режима прекращения боевых действий. Однако механизм ответственности за нарушение этих обязательств остается неразработанным [5].

Перспективы развития международно-правового регулирования

Будущее сирийского урегулирования связано с несколькими сценариями. Первый сценарий предполагает формализацию нелиберальной модели путем выработки нового международно-правового режима, санкционирующего зоны деэскалации как механизм легитимного регулирования конфликта. Это направление уже реализуется в деятельности Астанинского процесса, который создает прецедент для подобных форматов управления другими конфликтами [1].

Второй сценарий связан с постепенным восстановлением либеральных принципов в урегулировании, возможным лишь при существенном изменении баланса сил в Сирии и вокруг нее. Учитывая текущую ситуацию, реалистичность такого сценария представляется минимальной.

Третий сценарий предполагает сохранение гибридного урегулирования, при котором либеральные принципы сохраняются как нормативный ориентир, а нелиберальные практики доминируют как способ управления конфликтом. С точки зрения среднесрочного развития – наиболее вероятный вариант.

Опыт сирийского урегулирования предоставляет возможность для размышления над самой возможностью использования общих правил, заимствованных от Запада. Возможно это говорит о том, что нужно провести реформу современного международного права для того чтобы принимать во внимание различные политические системы и культуры.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Сирийский вооруженный конфликт является гибридным вооруженным конфликтом. Он имеет черты как международного, так и немеждународного вооруженного конфликта. Правовая характеристика данного конфликта носит динамический характер: развитие ситуации, появление новых субъектов позволили характеризовать данный конфликт как трансформирующийся из немеждународного на конфликт с признаками интернационализированного и частично международного.

Неопределенность в определении статуса сирийского конфликта приводит к трудностям при использовании МГП и дает основание участникам конфликта на выборочное применение данных норм. В результате формируется «культура безнаказанности», нормализация нарушения норм международного гуманитарного права.

Роль визуализации при рассмотрении конфликта становится все актуальнее. Визуализация выполняет двойную функцию – она является формой доказательства нарушения и формой информационной борьбы. В связи с этим становится необходимым разработать принципы проверки достоверности визуальной информации с целью применения ее на практике в судебном процессе.

Наблюдается динамика перехода международного правового регулирования сирийского конфликта от либеральной модели (Женевский процесс) к нелиберальной (Астанинский). Данный переход свидетельствует о сдвиге мирового порядка, показывает возможности для продвижения нелиберальных акторов альтернативных норм конфликтного регулирования.

Несмотря на то, что Астанинский процесс подвергся критике за уход от либеральной парадигмы, он показал свою действенность, позволив снизить градус военных действий и выстроить институты деэскалации. Отсюда возникает проблема пересмотра либерального подхода в качестве единственного пути к мирному разрешению длительных войн.

Конфликт на территории Сирии продемонстрировал недостаточную эффективность действующих международных правовых средств решения вопроса о применении

силы для разрешения вооруженного конфликта, а именно - привлечение виновных к ответственности и исполнение международно-правовых норм. Необходимо выработать новые правовые средства для достижения баланса между эффективностью и законностью при решении политических конфликтов.

Особенности перспектив развития международного правового регулирования по вопросам сирийского конфликта представлены в том, что будут формироваться новые гибридные формы урегулирования. Это сочетание либеральных и нелиберальных подходов и сохранение ключевого требования - соблюдение основных положений МГП и прав человека.

Выполненное исследование позволило сделать следующий вывод. Сирийская война явилась триггером для изменения структуры международно-правового регулирования, показав смену парадигмы от универсалистских либеральных подходов к плюрализму в зависимости от политических реалий и баланса интересов. Неизвестно пока будет ли данная трансформация способствовать созданию более работающей системы регулирования вооруженных конфликтов либо же она просто усилит раздробленность международного права.

Литература

1. Abboud S. Making peace to sustain war: the Astana Process and Syria's illiberal peace // Peacebuilding. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 326–343.
2. Грицаев С.А. Проблема целостности международно-правовых средств предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 248–250.
3. Хаванова Д.Ю. Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Т. 13. № 3А. С. 38–46.
4. Hashmi S., Jamil M.S. Restoring Norms in Prolonged Conflicts: The Erosion of International Humanitarian Law in Syria // Journal of Development and Social Sciences. 2025. Vol. 6. No. 4. P. 138–146.
5. Khanfri M. Legal Qualification of the Armed Conflict in Syria // Revue des Sciences Humaines. 2025. Vol. 36. No. 3. P. 153–166.
6. Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование военно-силового подхода к борьбе с терроризмом на универсальном и региональном уровне (на примере ООН и СНГ) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 3 (69). С. 461–481.
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. // Действующее международное право: сб. док. М., 1997. Т. 2. С. 530–590.
8. Трифонов В.А., Юрасова П.А. К вопросу о защите прав детей в период вооруженных конфликтов // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 2 (3). С. 42–50.

Transformation of Peaceful Settlement Principles in a Protracted Armed Conflict: The Syrian Experience

Alsalloum Mays

Kazan Federal University

This article analyzes the transformation of international law as it applies to the armed conflict in Syria. It demonstrates the dynamics of transformations in international legal frameworks for the Syrian conflict, reflecting the shift from a liberal peacebuilding paradigm (the Geneva process) to an illiberal peacebuilding paradigm (the Astana process). This shift marks a paradigm shift in addressing the Syrian conflict. The authors examine the theoretical foundations of international armed conflict. They consider the concept of international armed conflict, its definition criteria, stages and actors, and the role of visualization in the legal characterization of the conflict. The practice of international organizations and mediating countries (Russia, Turkey, and Iran) in creating a new legal framework for the conflict is also examined. While criticizing the lack of a liberal component in the Astana process, the author notes its practical significance for reducing violence and developing de-escalation tools. The need to find new ways to resolve protracted military conflicts prompts a revision of established norms of international law.

Keywords: international humanitarian law, Syrian Arab Republic, armed conflict, Geneva process, Astana process, illiberal peace, international legal regulation, counter-terrorism operation, legal classification of conflict

References

1. Abboud S. Making peace to sustain war: the Astana Process and Syria's illiberal peace // Peacebuilding. 2021. Vol. 9. No. 3. Pp. 326–343.
2. Gritsaev S.A. The Problem of Integrity of International Legal Means of Preventing and Resolving Armed Conflicts // Current Problems of Combating Crimes and Other Offenses. 2017. No. 17-1. Pp. 248–250.
3. Khavanova D.Yu. The Role of International Organizations in Resolving Interstate Conflicts and Maintaining World Order // Theories and Problems of Political Research. 2024. Vol. 13. No. 3A. Pp. 38–46.
4. Hashmi S., Jamil M.S. Restoring Norms in Prolonged Conflicts: The Erosion of International Humanitarian Law in Syria // Journal of Development and Social Sciences. 2025. Vol. 6. No. 4. P. 138–146.
5. Khanfri M. Legal Qualification of the Armed Conflict in Syria // Revue des Sciences Humaines. 2025. Vol. 36. No. 3. P. 153–166.
6. Puzyreva Yu.V. International Legal Regulation of the Military-Force Approach to Combating Terrorism at the Universal and Regional Levels (using the UN and CIS as an Example) // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2025. No. 3 (69). P. 461–481.
7. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), of 8 June 1977 // Current International Law: Coll. Doc. Moscow, 1997. Vol. 2. Pp. 530–590.
8. Trifonov V.A., Yurasova P.A. On the Protection of Children's Rights During Armed Conflicts // THEORIA: Pedagogy, Economics, Law. 2021. No. 2 (3). Pp. 42–50.